

УДК 930.2

Льготное пенсионирование как средство решения социально-экономических проблем Российской империи XIX – начала XX века

© 2015 г.

В.А. Сомов,¹ С.А. Торопкин²

¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

²Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Н. Новгород

somoff33@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.06.2015

Рассматриваются вопросы влияния пенсионного законодательства на демографические и миграционные процессы в Российской империи в период XVIII–XIX веков. Авторами сравниваются механизмы правового регулирования миграции населения в пенсионном праве царской России и в современном российском законодательстве, обобщается исторический опыт решения миграционных проблем с помощью пенсионного права.

Ключевые слова: история России, пенсионные права, миграционные процессы, демографические проблемы, срок выслуги, льготная пенсия, Царство Польское.

Демографические проблемы современной России, отмеченные в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [1], обуславливают важность государственно-правового регулирования миграционных процессов. Не случайно одним из основных принципов демографической политики Российской Федерации является привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции.

Решения в данной сфере требуют проблемы как внутренней, так и внешней (международной) миграции. Неблагоприятные тенденции во внутренних миграционных процессах связаны в первую очередь с низкой территориальной мобильностью населения Российской Федерации в сравнении с другими странами [2]. Результатами являются неравномерное распределение людских, трудовых ресурсов по территории страны, отток населения из ряда регионов Российской Федерации, что создает угрозу экономической, государственной и даже военной безопасности России.

В свою очередь, проблемы внешней миграции связаны с процессами замещающей миграции, когда выезд граждан России на постоянное место жительства за рубеж сопровождается въездом в Россию иностранных граждан с низким уровнем профессиональной квалификации, чуждых российской культуре и жизненному укладу россиян.

Исходя из этих проблем, задачей современной государственной миграционной политики в сфере внутренней миграции является разработ-

ка социально-экономических мер по повышению миграционной привлекательности территорий, из которых происходит отток населения и которые имеют приоритетное значение для национальных интересов. В сфере внешней миграции государство должно содействовать добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, стимулированию возвращения в Российскую Федерацию эмигрантов, привлечению квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских образовательных организаций высшего образования, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, а также иных иностранных работников, востребованных на российском рынке труда [2].

При этом следует отметить, что современные миграционные проблемы: неравномерное распределение населения по территории государства, нехватка квалифицированных специалистов в отдельных отраслях народного хозяйства, необходимость освоения отдаленных территорий – не являются новыми для России. Многие задачи в сфере регулирования миграции населения, стоящие сегодня перед Российской Федерацией, были актуальны еще в дореволюционной России и находили свое решение в дореволюционном законодательстве.

Исторический опыт показывает, что одним из важных инструментов государственной миграционной политики является пенсионное обеспечение. Еще в царской России механизмы пенсионного обеспечения решали аналогичные современные проблемы государственного регулирования миграционных процессов.

Для решения проблем внутренней миграции пенсионное законодательство дореволюционной России предусматривало льготы по пенсионному обеспечению служащих в определенных местностях Российской империи. Так, действовал отдельный блок правовых норм по пенсионному обеспечению служащих в губерниях Царства Польского. Оклады пенсий за службу в данном случае определялись на основании Пенсионных уставов с возвышением тех окладов одним подразделением (разрядом или степенью).

Срок для выслуги полной пенсии в губерниях Царства Польского составлял 25 лет службы (вместо 35-летнего общего срока), прослужившим 20 лет назначалась половина пенсии. Время, проведенное на службе в России, зачислялось в число лет для выслуги пенсии в соотношении – 7 лет службы в империи за 5 лет в Польше [3].

В указанных правилах особо оговаривалось, что правом на получение пенсии могли воспользоваться лишь те из перешедших в губернии Царства Польского чиновников русского происхождения, которые прослужили в этих губерниях не менее 5 лет и в последней должности 3 года. В противном случае, то есть если чиновник, не прослужив пяти лет оставлял службу в губерниях Царства, пенсия назначалась на основании Общего пенсионного устава империи, а не пробывшим в последней должности трех лет размер пенсии определялся по классу прежде занимаемой должности.

Что касается чиновников, направляемых в командировку, то время, проведенное в губерниях Царства Польского, сокращало выслугу пенсии из расчета 2 года, проведенных в губерниях Царства, за 3 года службы в империи. При переходе командируемых на постоянную службу в польские губернии время, проведенное ими в командировке, зачислялось на пенсию и на получение прибавок к содержанию по указанным выше правилам, то есть 7 лет за 5.

Пенсионные преимущества, даруемые указанными правилами, распространялись только на тех чиновников, которые прибыли на службу в Польшу или командировку после первого января 1864 г., и действовали со дня вступления чиновника на службу или утверждения командировки [3].

Реализация указанных норм на практике выявила множество пробелов в Правилах от 1867 г., в первую очередь при назначении пенсий чиновникам, ушедшим со службы по болезни. Некоторые проблемы были сняты принятым Комитетом по делам Царства Польского положением от 16 марта 1873 г., согласно которому ограничения, установленные сроками службы в губерниях Царства Польского (не менее 5 лет и

в должности 3 года), не относятся к чиновникам русского происхождения, оставившим службу в Польше по тяжким неизлечимым болезням. Эти чиновники получали пенсии с повышением окладов, даже если и не прослужили пяти лет в Польше и трех лет в должности. Затем Высочайше утвержденным 26 марта 1882 г. положением Комитета министров русским чиновникам учебного ведомства в губерниях Царства Польского, пользующимся правами на пенсии по правилам 30 июля 1867 г., в случае отставки по болезни, а равно и их семьям были предоставлены права на пенсии и единовременные пособия из окладов на тех же основаниях и за выслугу тех же сроков, какие были определены для этого действующими в России постановлениями о пенсиях.

Указанные нормы не распространялись на лиц, состоящих на учебной службе. Пенсии и единовременные пособия назначались им на основании общих постановлений о пенсиях и единовременных пособиях служащих по учебной части с соблюдением следующих особых правил:

а) для лиц, прослуживших в губерниях Царства Польского не менее 10 лет, сроки на пенсию сокращались на 5 лет, то есть для выслуги полной пенсии им необходимо было прослужить 20 лет вместо 25-летнего установленного для службы в империи срока, для половины пенсии – 15 лет. Время, проведенное на службе по учебной части в России, зачитывалось также в число лет для выслуги пенсии, принимая 5 лет службы в России за 4 года в польских губерниях. Размер полной пенсии равнялся годовому окладу содержания, половины – полугодовому;

б) пенсии исчислялись не по присвоенным соответствующим должностям окладам, как в империи, а из действительно получаемого на службе жалования;

в) пенсии назначались лишь в отставке и пятилетними прибавками к жалованию не увеличивались;

г) пенсии, выслуженные в губерниях Царства Польского, в случае поступления впоследствии вновь на службу в России, хотя бы и на учебную, прекращались.

Впоследствии разрозненные нормативно-правовые акты, определяющие льготы по пенсионному обеспечению, были сведены в единое «Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдельных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского» от 13 июня 1886 года. «Особые преимущества» включали льготное пенсионное обеспечение и выражались в сокращении пенсионных сроков, а в некоторых местностях и повышении окладов пенсий¹.

В отношении должностей, по которым предоставлялись особые преимущества, соблюдались определенные правила. В ряде местностей преимуществами пользовались чиновники, определяемые на все вообще должности, а в остальных отдаленных краях особые преимущества предоставлялись лицам на должности не ниже девятого класса согласно Табели о рангах. Особые пенсионные преимущества могли быть предоставлены также лицам, не имеющим права на государственную службу, если вызов или перевод этих лиц в какую-либо отдаленную местность оказывался необходимым. Так, во всех отдаленных местностях право на особые преимущества имели учителя Закона Божьего средних учебных заведений из воспитанников духовных академий и священнослужителей, а также должностные лица женского пола женских гимназий, прогимназий и соответствующих им учебных заведений Министерства народного просвещения и духовно-учебного ведомства.

Однако в этом исключении существовало одно ограничение. Сенат, разъясняя Положение от 13 июня 1886 г. по вопросу о том, вправе ли лица, по общему закону не имеющие права на государственную службу, но назначенные на должности в привилегированных местностях, пользоваться преимуществами, установленными указанным законодательным актом, нашел, что «условием пользования основными преимуществами Положения является требование, чтобы лица, поступившие на службу в привилегированные местности, были вызваны или переведены в эти местности из губерний и областей, не смежных с ними, и притом таких, которые не признаются отдаленными» [4].

Правом на получение повышенных пенсионных окладов пользовались только лица, прослужившие в крае не менее 10 лет, а в последней должности – не менее 3 лет. Недослужившим этих сроков пенсии назначались:

а) выходящим в отставку ранее 10 лет службы в той или иной отдаленной местности – по окладу, присвоенному занимаемой им должности, но с сокращением пенсионных сроков;

б) не пробывшим в последней должности трех лет по окладу, присвоенному прежней должностью, с указанным повышением (если прослужил не менее 10 лет в отдаленной местности). Эти ограничения не распространялись на чиновников, оставлявших службу по тяжким неизлечимым болезням, и на семейства лиц, умерших на службе в отдаленных краях [5].

Право на выслуженное в какой-либо отдаленной местности сокращение пенсионных сроков сохранялось и в случае перехода на службу в другие местности не только на окраинах, но и

внутри империи. При этом лица, выслужившие как общий на пенсию, так и особые сроки, дающие право на повышение пенсионных окладов и затем перешедших на службу в другие местности, сохраняли в случае увольнения в отставку право на выслуженный оклад пенсии, если не приобретали право на большую пенсию по последнему месту службы.

Правоприменительная практика выявила ряд пробелов в положении от 13 июня 1886 г. Например, как уже отмечалось выше, срок выслуги на пенсию чиновникам учебной части, прослужившим в отдаленной местности 10 лет, сокращался «пятью годами», но при увольнении их со службы. При этом не объяснялось, распространяется ли данная норма на тех, кто после десятилетней службы в Сибири будет продолжать учебную службу в непривилегированной местности. Между тем дарованное чиновникам гражданской службы других ведомств право за работу в Сибири в течение трех лет на сокращение срока выслуги пенсии (3 года службы считать за 4) распространялось и на тех, кто переходил на службу в центральные губернии. В связи с чем в правоприменительной практике часто возникал вопрос: следует ли чиновникам учебной части Министерства народного просвещения (далее по тексту – «МНП»), прослужившим 10 лет в Сибири и продолжавшим учебную службу вне Сибири, при назначении пенсии сокращать срок выслуги на пять лет? [5]

«Дело Латышева» обсуждалось в МНП, в Управлении делами Сибирского комитета, в Министерстве финансов и II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии². Все признавали, что вопрос о сокращении срока на пенсию лицам, служившим в Сибири по учебной части, впоследствии перешедшим во внутренние губернии, с точки зрения буквального толкования «законом не разрешается положительно» [5, с. 874]. Между тем в МНП не считали правильным и не видели основания лишать служащих по учебной части предусмотренных законом льгот и тем самым ставить их в правах по службе ниже других чиновников гражданского ведомства. В МНП принимали во внимание то, что цель указанного закона о сокращении срока для получения пенсии за службу в Сибири состоит главным образом в привлечении туда на службу лиц, которые без этого преимущества, быть может, не согласились бы отправиться в этот отдаленный край, и что цель эта одинаково достигается, прослужило ли должностное лицо 10 лет в Сибири в первый период своей трудовой деятельности или в последний. На основании этих доводов МНП признавало вполне

справедливым сократить г. Латышеву срок выслуги на пенсию пятью годами.

Остальные участники дискуссии поддержали мнение МНП, отметив, что частный вопрос о назначении пенсии г. Латышеву следует решить положительно, а общий вопрос о разъяснении существующих в законе норм относительно назначения пенсий подобным чиновникам должен быть решен «не иначе как в законодательном порядке» [6, с. 875].

МНП обратилось с представлением в соответствующие инстанции, в котором предлагало Устав о пенсиях и единовременных пособиях дополнить следующим постановлением: «Директорам, инспекторам, учителям и надзирателям гимназий, а также штатным смотрителям и учителям уездных училищ, прослужившим в Сибири 10 лет и потом перешедших на службу в другие губернии вне Сибири, сокращать срок выслуги на пенсию пятью годами с предоставлением права получать пенсию сверх жалования в случае оставления их вновь на службе по выслуге 20-летнего срока» [6, с. 876]. Государь Император на журнале Комитета Высочайше соизволил написать собственноручно: «Исполнить».

В отношении внешней миграции дореволюционное пенсионное законодательство, с одной стороны, ограничивало пенсионные права иностранцев и российских подданных, выезжающих на постоянное место жительства за рубеж, мотивируя их оставаться в Российской империи, а с другой стороны, содержало правовые нормы, направленные на привлечение в Россию необходимых специалистов и работников.

В первом случае Общий пенсионный устав в разделе «О прекращении производства пенсий чиновникам и служащим» содержал две нормы, влиявшие на эмиграционный процесс. Так, производство пенсий прекращалось: 1) «Принятием должности или службы иноземной, без согласия нашего правительства»; 2) «Пребыванием за границей дольше дозволенного срока³, кроме лиц, которые находятся там по обязанностям службы, или на коих последует особое Высочайшее соизволение, разрешающее пользоваться им пенсией и за границей» [7, с. 132].

Во втором случае возможность назначения пенсий была установлена для отдельных категорий иностранных работников: артистов, медиков, ученых и военнослужащих. Стимулирующей нормой в данном случае является само право иностранного работника на пенсию, так как по общему правилу пенсии иностранцам не назначались. При этом правила назначения и выплаты пенсий имели свои особенности. Так, в разделе «О пенсиях вдовам и детям придворных чинов и служащих» Устав придворного ве-

домства в примечании к одной из статей указывал на то, что иностранные артисты, получавшие российские пенсии, не лишались их и во время пребывания за границей. Однако вдовам и детям артистов-иностранцев, проживающих за границей, пенсии не назначались. Тем же из них, которым пенсии были назначены во время пребывания в России, выплата пенсий прекращалась, если они выезжали на жительство за границу [7, с. 136]. Распространялось на вдов и указанное общее требование о нарушении сроков пребывания за границей.

Проживающим за границей семействам служивших в России иностранных медиков пенсии не назначались, но они получали единовременное пособие в случае смерти главы семьи. Семье выдавалось за выслугу десяти лет штатное жалование, какое умерший получал по последнему месту службы, а за двадцать и более лет двухгодичное жалование. Семейства иностранных медиков, проживающих в России, получали пенсии после смерти главы семьи согласно общему пенсионному уставу, но лишались ее с выездом за границу. Семейства российских медиков производство пенсий прекращалось в случае пребывания за границей дольше дозволенного срока, кроме случаев, когда следовало особое Высочайшее соизволение, разрешающее пользование пенсией и за границей [7, с. 176].

В пенсионном законодательстве самодержавной России существовали изъятия из общего правила, состоявшего в том, что пенсиями за границей разрешается пользоваться лишь ограниченное время, а именно только за время дозволенного там пребывания. Примером такого изъятия может служить право пользоваться пенсией без ограничения срока служащим в Женевском медицинском институте [8, с. 130].

Третью группу лиц, на миграцию которых оказало влияние пенсионное законодательство, составляли ученые и преподаватели учебных заведений, получавшие пенсии от Академии наук за службу в университетах, лицеях, Главном педагогическом институте, они могли «пользоваться ими, пребывая и за границей». При этом оговорка о времени пребывания вне государства в законодательстве отсутствовала. Этим правом пользовались также профессора и доценты Харьковского, Юрьевского и Казанского ветеринарных институтов [7, с. 138].

В целях привлечения в Россию квалифицированных преподавателей из других стран в законодательство, в том числе и пенсионное, вносились определенные изменения. Так, в мае 1836 года был подписан указ «О пенсиях и пособиях служащим при военно-учебных заведениях», одна из статей которого закрепила право

учителей и чиновников из иностранцев на получение пенсий и пособий, даже если они и не принимали присяги на подданство России или приняли ее после поступления на российскую службу [9, с. 851].

Офицерам-иностранцам и их семьям (даже не перешедшим в российское подданство) пенсии назначались с 1835 г. на общих основаниях, но только при условии проживания их в пределах России [10, с. 239].

Таким образом, анализируя дореволюционное пенсионное законодательство, следует констатировать, что оно содержало целый ряд механизмов, стимулирующих как внутренние, так и внешние миграционные процессы:

– во-первых, дореволюционные пенсионные нормы стимулировали внутреннюю миграцию подданных в отдаленные и малоосвоенные регионы Российской империи, а также в Царство Польское, где государство стремилось увеличить процент русского населения;

– во-вторых, пенсионные нормы были направлены на стимулирование миграции в Российскую империю наиболее востребованных в то время специалистов: артистов, медиков, ученых, а также иностранных военных офицеров;

– в-третьих, данные нормы ограничивали миграцию российских подданных за рубеж, стимулируя их проживать именно в Российской Империи.

При этом, сравнивая подходы российского законодателя к решению миграционных проблем с современным российским правом, нельзя не отметить наличие как общих, так и совершенно различных правовых механизмов. К общим моментам можно отнести правило о назначении льготных пенсий в отдаленных, северных регионах, что в современном пенсионном праве получило лишь дальнейшее развитие и конкретизацию. Право на пенсию перестало быть стимулом для привлечения в Российскую Федерацию определенных категорий иностранных специалистов, так как пенсионное обеспечение гарантируется всем постоянно проживающим на территории России иностранным гражданам, независимо от сферы их профессиональной деятельности.

Принципиально изменился подход к выплате пенсий лицам, выезжающим на постоянное место жительства за рубеж. Если в праве самодержавной России лицо по общему правилу лишалось права на пенсию с въездом за рубеж, то согласно действующему российскому законодательству право на назначенную пенсию сохраняется как за российскими, так и за иностранными гражданами, переселяющимися в другое государство. Более того, в отдельных случаях международные договоры Российской

Федерации позволяют сохранить пенсионные права при переезде в другое государство даже до достижения пенсионного возраста. Подобное решение является объяснимым с учетом необходимости гарантировать каждому свободу передвижения и выбора места жительства, но может быть оспорено, на наш взгляд, исходя из интересов государства и миграционной политики.

Обзор норм пенсионного законодательства, регулировавших «особые преимущества» гражданской службы в отдаленной, малопривлекательной, с точки зрения комфортности проживания местности и губерниях, населенных «иностранцами», позволяет сделать как минимум два вывода. Во-первых, явно прослеживается стремление власти привлечь на службу в указанные регионы и удерживать там необходимые квалифицированные кадры, в первую очередь из числа лиц «русского происхождения». Однако следует заметить, что мотивы этого стремления были различными. Так, если пенсионные преимущества в Царстве Польском и западных губерниях должны были стимулировать приток туда лиц «русского происхождения» по соображениям, условно говоря, «политическим», т.е. власть стремилась усилить свое влияние в инонациональных районах и в какой-то мере их русифицировать. Предоставляя же пенсионные льготы государственным служащим, например, в Сибири, правительство руководствовалось экономическими интересами, стремилось привлечь на окраины империи такие необходимые для развития района кадры, которые невозможно было найти среди местного населения и которые, по причине значительных расстояний и других неблагоприятных условий, не решились бы без особых выгод перейти туда на службу из центральных губерний. Во-вторых, несмотря на политические и государственные интересы, законодатель не удержался от дискриминационных норм в сфере пенсионного обеспечения государственных служащих по сословному, национальному и другим признакам.

Примечания

1. Правила от 13 июня 1886 года предоставляли служащим в отдаленных местностях следующие преимущества по срокам выслуги пенсии: а) на острове Сахалин, в округах Петропавловском, Нижигинском, Охотском и Николаевском Приморской области; в Якутской области, в Туруханском крае Енисейской губернии; в округах Березовском и Сургутском Тобольской губернии; в уездах Кольском, Кемском и Мезенском Архангельской губернии; два дня службы считали за три, а размер пенсии повышался на три подразделения (разряда или степени); б) в отдельных частях Приамурского генерал-губернаторства и Закаспийской области, три дня службы считались за четыре, а размер

пенсии повышался на два подразделения; в) в частях Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и губерний Тобольской и Томской, а также в Степном генерал-губернаторстве, три дня службы считались за четыре; г) в областях Уральской и Турганской (кроме служащих в областных управлениях), в некоторых районах Северного Кавказа и в Закавказье, а также в уездах Пинежском, Онежском и Холмогорском Архангельской губернии; в уездах Повенецком и Пудожском Олонецкой губернии и уездах Яренском и Устьсысольском Вологодской губернии, четыре дня службы считались за пять // ПСЗ-3. Т. VI, № 3871.

2. В 1863 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа обратился в МНП с представлением о назначении директору С.-Петербургской Ларинской гимназии, действительному статскому советнику Латышеву, за службу по учебной части более 20 лет, в том числе 10 лет в Сибири, полной пенсии в количестве годового оклада жалования сверх получаемого на службе жалования. Латышев, как видно из формулярного списка, с 19 декабря 1841 г. по 6 февраля 1852 г., то есть более 10 лет, состоял учителем в Томской гимназии, а с 6 февраля 1852 г. продолжал службу по учебной части МНП при гимназии вне Сибири // Сборник постановлений по МНП. Т. 11. 1889–1890 гг. СПб., 1895. С. 872–876.

3. Согласно Уставу о паспортах, срок дозволенного пребывания всех вообще русских подданных за границей, с узаконенным паспортом, был 5 (пять) лет. Лица, служившие за границей, в случае необходимости могли остаться там на более долгие сроки, обращались с просьбами об отсрочках к тем начальникам, от которых они получали паспорта на отъезд за границу, представляя при прошениях следующие

бланкетные деньги за все время, на которое просили отсрочку. Решение по этим просьбам представлялось на усмотрение губернских начальников.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 15.10.2007 г., № 42. Ст. 5009.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. XLII, отд. 1-е, № 44887.
4. По поводу Положения 13 июня 1886 г. // Судебная газета. 1898. № 2. С. 7.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. VI, № 3817.
6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 11. 1889–1890 гг. СПб., 1895.
7. Свод законов Российской империи (неофициальное издание) / Под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. СПб., 1897.
8. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. Свод Законов. Т. III, кн. 2 (составил и издал Е.И. Смирнов). СПб., 1906.
9. Продолжение 1836 г. Свода законов Российской империи. Ч. 1.
10. Русский офицерский корпус. М., 1993.

GRANTING OF PREFERENTIAL PENSIONS AS A MEANS OF SOLVING SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

V.A. Somov, S.A. Toropkin

The paper examines the influence of the pension legislation on demographic and migration processes in the Russian Empire during the 18th–19th centuries. The authors compare mechanisms of legal regulation of migration in the pension law of imperial Russia and in the modern Russian legislation. Historical experience of solving migration issues by means of the pension law is summarized.

Keywords: Russian history, pension rights, migration processes, demographic problems, seniority, preferential pension, Kingdom of Poland.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 № 1351 «Ob utverzhdenii Konceptii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Sbornik zakonodatel'stva RF. 15.10.2007 g., № 42. St. 5009.
2. Konceptiya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF ot 13 iyunya 2012 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus».
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbornik II. T. XLII, отд. 1-е, № 44887.
4. Po povodu Polozheniya 13 iyunya 1886 g. // Sudebnaya gazeta. 1898. № 2. S. 7.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbornik II. T. VI, № 3817.
6. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 11. 1889–1890 gg. SPb., 1895.
7. Svod zakonov Rossijskoj imperii (neoficial'noe izdanie) / Pod red. A.F. Volkova, Yu.D. Filippova. SPb., 1897.
8. Ustavy o pensiyah i edinovremennyh posobiyah. Svod Zakonov. T. III, kn. 2 (sostavil i izdal E.I. Smirnov). SPb., 1906.
9. Prodolzhenie 1836 g. Svoda zakonov Rossijskoj imperii. Ch. 1.
10. Russkij oficerskij korpus. M., 1993.